

Олимпизм в аспекте философии жизни*Сумской государственной педагогической университет им. А. С. Макаренко (г. Сумы)*

Постановка научной проблемы и её значение. Анализ последних исследований. Начало современного олимпизма и спорта в целом совпало со временем становления философии жизни – концом XIX – началом XX в. В соответствии с Олимпийской хартией олимпизм представляет собой философию жизни, объединяющую в единое целое достоинства тела, воли и разума. Именуя себя философией жизни, олимпизм декларирует антропологизм как суть своего мировоззрения [3, 20] и дает начало антропологии тела, антропологии спорта, антропологии достижений, а в целом – новаторской трактовке человека как тела (“Я” – это мое тело); восстанавливает органическую целостность человека в триадности телесности, воли и ума, или тела–души–духа.

Проблема исследования – осмысление аргументации сближений олимпизма и философии жизни; й цель – попытка эксплицирования олимпизма и спорта в целом в парадигме философии жизни. Начатки рефлексии олимпизма в контексте философии жизни мы обнаружили в статье А. Г. Егорова [3].

Для олимпизма как специфической философии жизни характерна ориентация на получение радости от жизни, следование хорошему примеру, уважение этических принципов. Цель олимпизма, как и одно из целеполаганий философии жизни, – это синергичное сотрудничество (сложение усилий) в созидании лучшего мира. Олимпизм идет к лучшему миру, воспитывая людей спортом. “Лучший мир могут создать только лучшие люди” (Пьер де Кубертен). О воспитательной силе спорта лапидарно сказал философ жизни О. Шпенглер: “Спорт – это средство, заставляющее нацию быть в форме”. Спорт дисциплинирует нацию в целом и каждого отдельного человека. Дисциплинирует его тело, интеллект, эмоционально-волевую сферу. Дисциплинированное тело подобно надежному, находящемуся в превосходном состоянии инструменту, который никогда не подведет в экстремальных ситуациях и в пограничных состояниях. Такое тело способно к экстраполяциям – экстремному приспособлению двигательного аппарата и вегетативных функций к внезапно изменяющимся условиям внешней среды. Дисциплинированный интеллект – это интеллект сильный, гибкий и пластичный. Ментальная пластичность отражает уровень осознания окружающего мира и себя в этом мире. Пластично мыслящий и чувствующий человек интуитивно выбирает не жестко очерченные ортодоксальные позиции, а установки творческие и продуктивные. И потому пластичность наделяется позитивными коннотациями и выступает как способность к упорядочиванию деятельности и самого себя, способность к самоорганизации. В пластически точно выверенных, будь то формах скульптур, движениях танцоров и спортсменов, мыслях шахматистов или системах программирования, интуитивно схватываются лучшие пространственно-временные отношения. В них нет излишеств, в них нет хаоса. По восточной философско-религиозной мудрости, которой более четырех тысяч лет, предельное совершенствование тела способствует дисциплинированию интеллекта, достижению ясности сознания и силе мысли. Критерием дисциплинированной эмоционально-волевой сферы является известное “Олимпийское спокойствие”. Спорт как деятельность, сопряженная с экстремальными ситуациями, воспитывает психологическую, эмоциональную устойчивость, толерантность. Особенно возрастает дисциплинирующая значимость спорта в наше время, когда, в терминологии французских просветителей, ослабла “сдерживающая узда религии”, религии уходящей, если не ушедшей уже, на периферию культурной жизни Европы.

Задача исследования – попытка эксплицирования олимпизма и спорта в целом в парадигме философии жизни.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Философия жизни сложилась в последней трети XIX в. в Германии и Франции как оппозиция классическому рационализму в лице трех известных его представлений: – Ф. Бекона, Р. Декарта, И. Канта и как реакция на кризис механистического естествознания. “Главным пафосом этой оппозиции стало противопоставление разуму сил самой жизни с ее витальностью, иррациональностью, непосредственностью и принципиальной недоступностью для всякого рационального осмысления” [1, 815]. Как свежи, возможно, эти мысли для тех, кто воспитан в старых добрых традициях благоговеяного отношения ко всему рациональному, ко всему научному.

Центральное понятие в философии жизни – это “жизнь” (В. Дильтей). Опираясь на традиции немецкого романтизма, философия жизни обратилась к жизни как к первичной, неделимой, целостной реальности, которая предшествует последующему ее разделению на материю и дух (материальное и идеальное), бытие и сознание. Философии жизни близка идея холизма, принадлежащая В. Соловьеву (1853–1900). Это идея неделимости бытия на дискретные ипостаси. Идея холизма актуализируется в синтезе, в целостности идеального и материального, дискурсивного и интуитивного (кроссинг-дополнительность), рационального и иррационального, телесного и духовного, тела и души. Идея холизма актуализируется в преодолении дуалистических представлений, заложенных в античности Платоном и укрепленных в начале Нового времени Декартом. Человек и мир не делимы на дискретности, они “текучи”. И сознание наше текуче (концепт “потока сознания” у А. Бергсона), и тело наше “текуче”, темпорально, изменчиво во времени.

Понятие “жизнь” в силу его расплывчатости и многозначности допускает самые различные его интерпретации, как биологические, психологические, так и культурно-исторические [1, 815]. Во всех трактовках “жизнь” предстает целостным процессом непрерывного творческого становления (“Творческая эволюция” А. Бергсона), противостоящим всему определенному, законченному и застывшему. В философии жизни не делимая на дискретности “жизнь” является единственно надежным критерием истины, добра и красоты, а максимум жизни – высшая ценность. На жизнь по максимуму ориентирует и восточная мудрость, запечатленная в Тантре. Антиподом жизни по максимуму является прозябание. Это, например, длинные полосы жизни без самовыражения, о нем писал Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя”. Это и пустое существование чеховских персонажей, умных, добрых людей, но уставших от жизни (хотя они никогда и нигде по-настоящему не трудились), надорвавшихся от своих же мизерных подвигов и живущих нехотя.

Максимум жизни, полнота ее проявлений присутствуют в спорте, поэтому спорт дарит радость жизни. Максимум жизни ассоциируется и с антропомаксиологией – наукой, в которой собираются данные о максимальных проявлениях способностей человека в спорте и в других жизненных ситуациях. Спорт высших достижений создает наилучшие условия для познания сверхмаксимальных человеческих возможностей. Соревновательная деятельность в спорте может служить также лучшей моделью для комплексного изучения человека естественными и гуманитарными науками, так как в соревновательной (игровой) деятельности наиболее полно проявляются свойства человека как индивида, индивидуальности и личности в их биопсихосоциокультурной целостности.

Концептуальными атрибутами философии жизни (присутствующими и в олимпийской философии жизни) можно назвать свободу воли, антисциентизм, чувственное знание, витализм, эстетизм, телоцентризм.

Свобода воли (ассоциируется с волюнтаризмом, сложившимся на основе идей А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше) трактуется как высший принцип бытия и сознания. Абсолютизируется свобода человеческого целеполагания, волеизъявления и действия как спонтанных сил.

Антисциентизм философии жизни состоит в том, что жизнь понимается более богатой, чем открываемые наукой закономерности, выдвигаемые гипотезы и теории. Жизнь, по П. Фейерабенду, не подвластна и расчленяющей деятельности рассудка, добывающего безликие знания и умножающего несоизмеримые друг с другом теории. И не ведет ли “докапывание до самой сути” к обесцениванию мира, – спрашивают философы жизни. Всегда должен существовать некий остаток, то нечто таинственное и не поддающееся исследованию, чему наша жизнь обязана своей ценностью. К “последней тайне” жизни интерпретатор может только приближаться, но не постигать ее до конца (В. Дильтей). Далеко не все, что существует, жаждет попасть в лабораторию ученого. Природа, по экспрессивному выражению Максимилиана Волошина, одурела от пыток, выдавая под микроскопом свои сокровенные тайны. В “незнании” же природы возможно очарование ее загадочностью. Г. Гачев в “Незнакомке” А. Блока находит такую мысль: «Оберегать незнание! Оно – “сокровище”, и само придет – отдаться нам, если не лезем его ловить и превращать в Знание и овладевать Силою! Совсем на других путях: любви и благоговения самоотдачи, а не преследования-исследования, к тебе придет Истина...» [2, 75–76]. Критику рациональной “силовой познавательности” в рационализме (“логоцентризме”) европейской философии и культуры находим и у Ж. Деррида, согласно которому в основе европейского рационализма лежит агрессивная, сексуально окрашенная, даже непристойная установка, восходящая к эротическому насилию и обладанию: познание как овладение истиной, открывание как срывание покрыва, обнажение реальности и т. д. В этой связи Ж. Деррида в

“Апокалипсисе” даже говорит о “фаллоцентризме” европейского рационализма. Антисциентизм философии жизни проявляется также в скептическом ее отношении к познавательным возможностям разума и науки, в силу того, что рассудочно-механистическое познание и опирающаяся на него наука могут постичь лишь отношения между вещами, но не сами вещи; рациональное познание ориентировано на удовлетворение чисто практических интересов, в нем нет ценностного, морального отношения к жизни. Научному познанию, верят философы жизни, следует противопоставить внеинтеллектуальное, интуитивистское, образно-символическое постижение иррациональной в своей основе жизненной реальности (интуиция у Бергсона, Ницше, Шпенглера, “понимание” в герменевтике Дильтея).

Большим доверием пользуется в философии жизни и философии спорта практическое, *чувственное, оно же телесное знание*, добываемое работой сенсорных систем, а также витализм, нуждающийся в экологии в условиях “экспансии культуры”.

Витализм (от латин. *vitalis* – жизненный) – жизненная сила, жизненная энергия. Аристотель называл эту силу *энтелехией* (греч. *entelecheia* – осуществленность). У Аристотеля энтелехия означает осуществление какой-либо возможности бытия, движущий фактор (движущую силу. – В. К.) этого осуществления, например, душа – энтелехия, движущая сила тела. У Г. В. Лейбница энтелехия – это монада, деятельная субстанция. Витальность в полной мере проявляется в экстремальных ситуациях, в поглощенности спортивно-игровой деятельностью. Будучи увлечен игрой своих “физических и интеллектуальных сил”, человек играющий (*Homo Ludens*) действует сообразно неосознаваемым желаниям своего естества, которые направляются витальной (жизненной) силой. Во время увлеченности игрой изначальная жизненная сила, активность проявляется щедро и органично психофизиологии, биологии человека. И проявления эти непринужденные и творческие. И эта свободная спортивная игровая жизнь, пишет Х. Ортега-и-Гассет в статье “О спортивно-праздничном чувстве жизни”, есть жизнь первого порядка. Все же виды утилитарной жизни, “жизни из нужды и денег” являются жизнью второго порядка. Витальность подвигает подлинного спортсмена к азарту, страсти, состязательности с ускользящим идеалом. Взяв, например, рекордную высоту, прыгун заказывает планку еще на дюйм выше, и замирает стадион – здесь человеческий дух заявляет о неограниченности своих возможностей. Дух празднует свою силу, ибо состязание с идеалом возвышает человека, поднимает его над утилитаризмом обыденной жизни.

В мире живой природы мера проявления витальности в ее объектах часто бывает и мерой их привлекательности, поскольку мера прекрасного определяется мерой проявления жизни. По Н. Г. Чернышевскому, “прекрасное есть жизнь” в полноте ее проявлений, о чем пишет он в магистерской диссертации “Эстетические отношения искусства к действительности”(1855). И природой мы любуемся, наделяя ее нашими человеческими витальными силами. И потому мы видим в утесе суровость, а в мраморной скульптуре – живое тело. Привлекательно все, что исполнено витальности, в чем нет увядания, умирания, декаданса, столь ненавидимого Ф. Ницше, но где есть, как в спорте, сила и воля к жизни, где есть полнота проявлений сущностных сил человека.

В настоящее время можно наблюдать, о чем говорил еще З. Фрейд в “Неудовлетворенности культурой”, ослабление в цивилизованном мире биологического, витального начала, к которому приводят крайности “культурного” развития, имеющего своим результатом изнеженного человека.

Давно было замечено, писал И. А. Ефремов в “Лезвии бритвы”, что длительное проживание людей в суровых природных условиях, но со здоровым климатом и достатком пищи, превращают их в людей высокорослых и с мощной мускулатурой. Такими среди населения Руси были староверы, некоторые казаки, поморы. В суровых условиях гор и джунглей есть сообщества людей, отличающиеся особой, редкой красотой. Таковы, например, даяки Индонезии, древнее племя в горах Чантабури в Таиланде. Общество остается простым и счастливым (а значит, и здоровым. – В. К.), – писал Платон в “Законах”, – пока не станет заводить себе излишек, порождающий лень, роскошь и жадность. В его “Тимее” Атлантида гибнет, “неспособная переносить процветание”. В древнем Риме неоднократно издавались законы против роскоши, дабы удержать общество от физической деградации и морального разложения.

В наше время “лирическое чувство жизни” (здоровое чувство жизни), ища “воздуха свободы”, сопротивляется давлению “культурной”, технически организованной, бездушной среды и деятельности, так как индустриальная цивилизация дегуманизирует человека, на что первыми, пожалуй, обратили внимание представители Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас и др.). Рост культурного потребления приковал человека к экономике и машине. Это изменило привычный ритм человеческой жизни, общий с ритмом природы. Человеческая жизнь становится все менее естественной. Полная зависимость от технических систем обеспечения

подчиняет человека техническим ритмам (производственным, транспортным, коммуникативным) и уподобляет его озабоченному автомату со сниженной витальностью.

Решением проблемы видится спортизация социума, которая уже осуществляется в цивилизованном мире, начиная с 60-х годов прошлого века. В это время происходит явный перевес в сторону внимания к телу. Развивается своеобразная телеология тела, понимание совершенного тела – как блага, “права тела на истинно человеческое существование” (Н. А. Бердяев). Это “право тела” стало актуальным к концу второго тысячелетия от Рождества Христова, когда человечество подошло к границам своего физического существования, и состояние тела, его внешний вид волнуют нас, пожалуй больше, чем нескончаемые политические и религиозные противостояния, когда, говоря словами О. Шпенглера, фаустовское мышление начинает пресыщаться техникой, тяготеет большими городами и склоняется к более простым, близким природе формам жизни, к занятиям спортом.

Философии жизни, как и философии олимпизма, присущ также унаследованный от немецких романтиков *эстетизм* как стремление к целостности и совершенству бытия. Эстетизму претит прагматизм с его стремлением извлекать выгоду и только выгоду. Однако прагматизм (утилитаризм) вездесущ. Он стал доминирующим в экономике, политике, морали, философии. Он создал систему всеобщей полезности, подчинил себе все сущностные силы человека, соединил “голую” эффективность с всемирным интересом купли и продажи. Но преследовать пользу и только пользу, не видеть и не желать ничего высокого, не чувствовать ничего поэтического – это пошло, говорил Н. Г. Чернышевский; это не эстетично, – вторил ему Ф. Ницше.

Эссенциальным атрибутом философии олимпизма, философии спорта в целом и философии жизни является *телоцентризм* (bodycentrism), когда в центре ментальности и дискурса оказывается тело, плоть; интерес к осязательности, тактильности и на их основе к донаучным и вненаучным формам осмысления действительности, обладающим мощным креативным потенциалом и дающим сильный импульс интуиции, эвристике, аргументации. Своеобразный дискурс тела открыл новые проблемные поля философского осмысления, которые были недоступны или игнорировались ранее. В телоцентрической парадигме стало возможным говорить о пределах онтологической разрешимости тела, попытаться определить “то, на что способно человеческое тело” (Б. Спиноза), говорить о женском теле как предмете и способе философствования, о телесно-сексуальных сюжетах, фактах биографий в художественном творчестве и т. п. К этому можно добавить общую телесно-визуальную ориентацию культуры конца века, выражающуюся в потребительстве (консьюмеризме), в том числе и в потребительстве тела (конкурсы женского и мужского тела; стриптизы женские и мужские), в культе здоровья, культуре себя, сексуальной акцентуации, формировании и продвижении привлекательных имиджей в рекламе, политике, искусстве, даже в религии и науке, в роли новой образности в виртуальной реальности информационных технологий [6]. Телоцентризм современной культуры выглядит также своеобразной реакцией (подготовленной процессом „реабилитации тела”, начавшимся в эпоху Возрождения, и набравшим силу к концу XX в.) на многовековую европейскую христианскую и метафизическую традицию дуализма духа и тела с явной, если не гипертрофированной, возвышающей акцентацией всего духовного и снижающей – всего телесного.

Наиболее рельефное свое отражение телоцентризм нашел в культуризме (бодибилдинге) – этом убедительном артефакте процесса реабилитации тела, феномене культуры постмодерна, который можно эксплицировать не только как спорт, но и как искусство телостроительства, науку о силовом тренинге, модель образа жизни. И каждый из этих мысле-образов имеет свои сущностные интерпретации, свои метафизические “онтологемы”. Философская рефлексия феномена культуризма позволяет анализировать его в онтологическом, эпистемологическом, праксиологическом, аксиологическом и иных аспектах. Предметом философского осмысления “игр с железом” является также их профессиональная и любительская бинарные составляющие с разными аксиологическими целеполаганиями. Ценностная “нагруженность” первой из них – “жить, чтобы тренироваться” лишает человека свободы, сковывает его рабской зависимостью от “железа”, его экзистенция становится ущербной – бездуховной (свобода – эпифеномен духовности).

Ценностная же заангажированность – “тренироваться, чтобы жить” наполняет “железный тренинг” духовными смыслами, которые метамотивируют и гармонизируют – извне и изнутри (объективно и субъективно) – стремление Homo sportikusa к самоактуализации и росту, сопровождаемому чувством свободы. Нелишне заметить здесь, что сегодня “духовность” – это не только причастность к традиционным знаниям и ценностям, образование и воспитание, но и массовая культура, коммуникация, информация, компьютеризация, активный отдых, спорт, если они ценностно сопровождаются способностью субъекта углублять обыденное-повседневное до общечеловеческого и вечного в себе [5, 74–76].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Оба выбора, как жизненные установки, требуют концентрации усилий и времени вокруг „базовых осей”: либо культуризм – смысл жизни, либо он – часть ее. Кроме того, телостроительство – это “искусство скульптуры” с присущими ему “законами”, канонами, правилами, признаками, характеристиками и прочими интуитивно постигаемыми нюансами этого телесного философско-рефлексируемого аксиомира. Культуризм манифестирует себя как модус концентрированного во времени совершенствования тела человека с акцентацией на его внешних формах как эстетическом объекте. Успехи культуризма в “теловаянии” впечатляющие, и потому его можно, по-видимому, рассматривать как радикальное средство культивирования лучшего типа тела человека в контексте актуализации евгенической идеи. Последняя пронизывает всю культурную историю человечества. Уже древнейшие антропологические мифы описывают человека как создание, утратившее первоначальное божественное совершенство. В сочинениях античных философов, в трактатах Средневековья, трудах гуманистов Возрождения можно найти недовольство духовным и физическим габитусом человека и проекты повышения его качества. Этапами развития евгенической доктрины в XX веке были 20-е и 60-е годы. Современными восприимчивыми енгеники заявляют о себе генная инженерия, медицинская генетика, экология, которые фундируют в менталитет читающих людей представления об актуальности и доступности улучшения качественного состава населения [7]. Евгеническим суперпроектом может быть представляема и идея постчеловека, конечного артефакта искусственной эволюции в триадной цепи: последний человек–трансчеловек–постчеловек.

Список использованной литературы

1. Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, современный литератор, 2002. – 976 с.
2. Гачев Г. Русская дума. Портреты русских мыслителей / Гачев Г. – М. : Новости, 1991. – 272 с.
3. Егоров А. Г. Философское значение современного олимпизма / А. Г. Егоров // Теория и практика физической культуры – 2001. – № 7. – С. 18–23.
4. Ефремов И. А. Лезвие бритвы / Ефремов И. А. – Ашхабад : РП общество Китап, 1992. – 656 с.
5. Скляр В. В. Духовность как феномен культуры / В. В. Скляр // Философские науки. – 2011. – № 2. – С. 71–82.
6. Тульчинский Г. Л. Телоцентризм / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2010. – № 7. – С. 142–145.
7. Хен Ю. В. Теория и практика усовершенствования человеческой “породы” / Ю. В. Хен // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 123–136.

Аннотации

Проблема исследования – осмысление аргументации сближений олимпизма и философии жизни. Актуальная цель – попытка эксплицирования олимпизма и спорта в целом в парадигме философии жизни. Автор обосновывает положение о том, что генезис современного олимпизма стал возможным благодаря философии жизни, установки которой (получение радости от жизни, денотативность тела, культивирование лучшего типа человека, почитание аристократизма и сильной личности, презрение к декадансу) с энтузиазмом были восприняты идеологом олимпизма бароном Пьером де Кубертенем. Философия олимпизма и философия жизни противопоставляют сциентизму холизм, иррациональность, непосредственность самой жизни, максимум которой понимается как высшая ценность. Концептуальными атрибутами, общими для философии жизни, философии олимпизма и спорта в целом, автор называет свободу воли, антисциентизм, чувственное (телесное) знание, витализм, эстетизм, телоцентризм.

Ключевые слова: олимпизм, философия жизни, холизм, максимум жизни, антисциентизм, витализм, эстетизм, телоцентризм.

Валерій Косяк. Олімпізм в аспекті філософії життя. *Проблема дослідження – осмислення аргументації зближень олімпізму й філософії життя. Актуальна мета – спроба експліциувати олімпізму та спорту в цілому у парадигмі філософії життя. Автор обґрунтовує положення про те, що генезис сучасного олімпізму став можливим завдяки філософії життя, установки якого (здобуття радості від життя, денотативність тіла, культивування кращого типу людини, шанування аристократизму й сильної особи, презирство до декадансу) з ентузіазмом були сприйняті ідеологом олімпізму бароном П'єром де Кубертенем. Філософія олімпізму та філософія життя протиставляють сциентизму холізм, ірраціональність, безпосередність самого життя, максимум якого розуміється як вища цінність. Концептуальними атрибутами, загальними для філософії життя, філософії олімпізму й спорту в цілому, автор називає свободу волі, антисциентизм, чуттєве (тілесне) знання, віталізм, естетизм, тілоцентризм.*

Ключові слова: олімпізм, філософія життя, холізм, максимум життя, антисциентизм, віталізм, естетизм, тілоцентризм.

Valeriy Kosyak. *Olympism in the Aspect of the Philosophy of Life.* The problem of research – understanding the arguments of the rapprochement of the Olympism and the philosophy of life. Current goal – an attempt to explicate Olympism and sport in general in the paradigm of the philosophy of life. The author proves the opinion that the genesis of the modern Olympism became possible due to the philosophy of life, the ideas of which (the joy of life, denotative of the body, the cultivation of a better type of man, respect of aristocracy and a strong personality, contempt for decadence) were enthusiastically received by baron Pierre de Kuberten, the ideologist of Olympism. The philosophy of Olympism and the philosophy of life contrapose scientism to holism, irrationality, spontaneity of life itself, the maximum of which is understood as the highest value. By author, conceptual attributes that are common to the philosophy of life, the philosophy of Olympism and sport in general, are the freedom of the will, anti-scientism, sensory knowledge, vitalism, aestheticism, centrism of the body.

Key words: Olympism, the philosophy of life, holism, the maximum of life, antiscientism, vitalism, aestheticism, centrism of the body.